

УДК 34

САЛЬНИКОВ Евгений Вячеславович,
кандидат философских наук, доцент,
г. Орел, Россия
e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

SALNIKOV Eugeny Vyacheslavovich,
Candidate for Doctorate in Philosophy,
Associate Professor, Orel city, Russia.
e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ В УСЛОВИЯХ
ЭКСТРЕМИСТСКОГО НАСИЛИЯ**

**UKRAINIAN CRISIS: STRATEGY OF
SOCIETAL CONDUCT ON THE SCENE OF
EXTREMIST VIOLENCE**

В статье анализируется противоречивость восприятия экстремизма в контексте современных событий на Украине. По мысли автора своеобразие отношения к экстремизму на Украине основано на попытке реализации моделей игнорирования экстремизма и включения экстремизма в систему властного насилия. Украинский кризис показывает нежизнеспособность и опасность как первого, так и второго вариантов стратегии принятия экстремизма.

The paper explored conflicting perceptions of extremism appeared in the framework of current events in Ukraine. According to author's vision, the peculiar attitude patterns towards extremism in Ukraine were built up on the attempt to implement either disregard patterns or a pattern of inclusion of extremism into the policy of authoritarian violence. The Ukrainian crisis has shown lack of vital capacity and danger appropriate for both the former and the latter options within the strategy for accepting extremism.

Ключевые слова: экстремизм, насилие, Украина, стратегии противодействия экстремизму, шоковая терапия.

Key words: extremism, violence, Ukraine, strategy counteracting the extremism, shock therapy.

17 ноября 2014 г. Верховный Суд Российской Федерации объявил экстремистскими и официально запретил на территории России деятельность ряда украинских организаций, таких как «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО), «Правый сектор», УПА, «Тризуб имени Степана Бандеры». Это решение помимо своего непосредственного юридического содержания в смысловом отношении представляет собой яркую экспликацию противоречивого положения экстремизма на современной Украине.

Тот факт, что целый ряд украинских организаций, активно участвовавших в событиях на Майдане зимой 2013–2014 гг. и последующих за ним событий, по своему идеологическому облику является неонацистским, ни для кого не представляет секрета. Сегодня на Украине открыто пропагандируется деятельность тех организаций и отдельных лиц, которые сотрудничали с нацистской Германией, и оправдываются кровавые деяния националистических военизированных образований типа дивизии СС «Галичина» и других. При этом как сама новая киевская власть, так и ее западноевропейские и американские партнеры уверенно не желают уделять данной проблеме то внимание, которое при других условиях и в иной ситуации они уделяли бы подобного рода идеям, не высказывают стремления к бескомпромиссной борьбе с экстремизмом в его украинской вариации.

Противоречивость сложившейся ситуации заключается в том, что в той мере, в какой новая киевская власть утверждает свой демократический характер, она не может не противодействовать экстремизму. В еще большей мере это относится к развитым демократиям Запада. Совершенно очевидно, что проводимую политику игнорирования экстремизма нельзя объяснить политической слепотой. Феномен экстремизма далеко не в первый раз наблюдается в общественно-политической жизни современных государств, при этом масштаб экстремистских акций, количество жертв превышает все допустимые пределы. Экстремизм в любой своей форме, а уж тем более в форме национализма и неонацизма нарушает фундаментальный для либерально-демократических государств принцип толерантности, отвергает или выхолащивает демократические процедуры. Экстремизм прямо противостоит правовому демократическому государству, что делает неизбежным вопрос о том, как возможна и на чем может основываться наблюдаемая политика игнорирования экстремизма на Украине.

Представляется, что в рамках украинского кризиса мы наблюдаем реализацию ряда вариантов стратегии, которую образно можно было бы назвать стратегией принятия экстремизма. Под стратегией принятия экстремизма понимаются в данном случае различные варианты стратегий социального бытия, в которых общество в той или иной форме допускает экстремистское насилие и пытается сформировать непротиворечивые механизмы собственного существования в этих условиях. Иначе говоря, противоречивость позиции по вопросу экстремизма определяется уверенностью определенных политических и общественных деятелей в том, что существует возможность принятия экстремизма обществом.

Можно предположить, что в основе позиции западноевропейских государств лежит стратегия принятия экстремистского насилия путем его игнорирования. Подобная стратегия базируется на том положении, что демократическое правовое государство обладает значительно большей жизненной силой и потому в конечном итоге в противостоянии экстремистского насилия и насилия либерально-демократического государства последнее окажется более стойким и по своим сущностным характеристикам обеспечит преодоление экстремизма. В этом случае экстремистское насилие представляется опасным, но все же не смертельным заблуждением, отклонением, которое человеческое общество успешно преодолеет.

Ярким примером подобной трактовки являются идеи Ф. Фукуямы, предпринявшего попытку обосновать универсальность либерально-демократического проекта и изживаемость экстремистского насилия. Фукуяма выступает явным сторонником наличия единой Универсальной истории. Эту историю он видит развитием свободы, представляя себе единое движение по пути осознания свободы. Итогом этого пути, по мысли философа, является либеральная демократия.

При этом речь не идет о том, что либеральная демократия свершилась уже сейчас на всем земном шаре. Фукуяма имеет здесь в виду то обстоятельство, что найдена идея универсального общественного устройства, которое имеет безусловное превосходство над всеми иными вариантами общественного устройства. Именно поэтому два фактора, движущих историю, неминуемо приведут человечество к либеральной демократии.

В общем контексте понимания истории человечества философ предпринимает попытку осмыслить экстремистское насилие, представленное, по мысли философа, прежде всего в фундаментализме и национализме. Согласно взглядам мыслителя, данные проекты социального единства предстают вариантами неправильной организации общественной жизни. Это типовые альтернативы.

Национализм, по мысли Фукуямы, нельзя воспринимать как нечто случайное. Нацизм и приравненный к нему сталинизм являются социальными болезнями. По отношению к экономической составляющей движущих сил истории это есть «побочный продукт модернизации» [6, с. 66], патология экономического развития. Национализм и фундаментализм есть крайности в смысле патологии.

По отношению к стремлению к признанию национализм и религиозный фундаментализм представляют собой две формы неподлинного удовлетворения вышеуказанного стремления. «Националистическое государство, то есть государство, где гражданство предоставлено лишь членам определенной национальной, этнической или расовой группы, есть форма иррационального признания. Национализм во многом есть проявление жажды признания, исходящей от тимоса. В некотором смысле национализм есть мегалотимия ранних времен, принявшая более современную, демократическую форму. Теперь не принцы борются за индивидуальную славу, но целые нации требуют признания своего национального достоинства» [6, с. 102–103]. Центральным моментом неподлинности национализма и религиозного фундаментализма является то, что представляемое ими удовлетворение не является рациональным, а потому будет неподлинным.

Фукуяма посвящает национализму отдельную 25-ю главу своей книги «Конец истории». Он подчеркивает, что национализм отнюдь не может являться альтернативой либеральной демократии и никак не способен претендовать на обладание неким вечным характером. Американский мыслитель настаивает на том, что национализм есть продукт определенного этапа развития общества, причем продукт побочный. Как в детстве болеют корью и свинкой, так и человечество, совершая модернизацию и переходя к демократии, может впасть в национализм.

Национализм отнюдь не вечен – он продукт индустриализации и демократических эгалитарных идеологий. «Национализм в этих случаях есть неизбежное сопутствующее обстоятельство расширяющейся демократизации, когда национальные и этнические группы, долго лишенные голоса, начинают выражать себя ради суверенитета и независимости» [6, с. 140].

В анализе угрозы национализма и фундаментализма Фукуяма полон оптимизма. Он ни на минуту не теряет убежденности в том, что со временем экономические процессы становления единого рынка и политические процессы формирования планетарной либеральной демократии вытеснят национализм. Это не означает, по его мнению, что национализм уже сегодня не возможен или что Холокост не может повториться. Но это опять же будет единичный кризис, преодолимое препятствие на едином пути Истории человечества.

Следовательно, экстремизм не так уж и страшен. Это не предельная крайность, ставящая систему на грань уничтожения. Продолжая вышеприведенный образный пример, экстремизм – это болезнь, которая может быть легкой, а может быть в редких случаях сложной, но никогда не смертельной. Организм всегда выздоровеет, и если уж ему суждено умереть, то отнюдь не от этой болезни – экстремизма.

Представляется, что именно с этих теоретических позиций на экстремистское насилие смотрят западноевропейские и американские политики. Будучи вовлеченными в украинские события, они предпочитают игнорировать экстремизм на Украине в силу внутренней подчас бессознательной убежденности в том, что экстремизм – это детская болезнь роста.

Однако именно украинские события со всей ясностью демонстрируют необоснованность подобной стратегии. Кризис 2013–2014 гг. на Украине есть лишь частное следствие более глубокого кризиса и распада всей системы международного права, идеи построения единого мира в рамках прав человека как высшего ценностного ориентира. «Международное право выхолащивается и разрушается», – с тревогой отмечает А.И. Костин [1, с.7]. «Объективности ради, надо сказать, – пишет Н.И. Матузов, – что в последние годы идеями прав человека стали манипулировать, злоупотреблять. Под предлогом их защиты осуществляются так называемые "гуманитарные интервенции", вмешательства во внутренние дела тех или иных (неудобных, провинившихся) государств» [3, с. 257–258]. Универсальность прав человека признана такой же иллюзией, «как и возможность однозначной интерпретации представлений о добре» [4, с.8].

На этом фоне все более ясным становится тот факт, что убежденность в большей жизнестойкости демократических государств ни на чем не основана. Демократическое правовое государство не только не выступает естественной формой организации человеческих сообществ, но и не является единственно возможной целью развития человеческой цивилизации. В этой ситуации стратегия игнорирования экстремизма, отказ от противодействия ему вполне может обернуться полномасштабным крушением социума и глобальной деструкцией. Именно это со всей очевидностью и демонстрирует нам украинский кризис, в процессе углубления которого страна все более и более скатывается к полноценной гуманитарной катастрофе и распаду, а перспективы построения на ее территории подлинно правового демократического государства становятся все более призрачными.

Формулируя итоговую оценку данному варианту стратегии принятия экстремизма, светлым утопическим иллюзиям следует предпочесть гораздо более взвешенную позицию других исследователей, гораздо менее оптимистично оценивавших предсказуемость противостояния экстремизма и демократического правового государства. В качестве примера можно упомянуть о позиции Э. Тоффлера, утверждавшего, что «в предстоящей нам эре метаморфоз власти основная идеологическая война будет идти не между капиталистической демократией и коммунистическим тоталитаризмом, а между демократией XXI в. и мракобесием Темного IX века» [5, с. 470]. Причем Тоффлер оставляет открытым ответ на вопрос об исходе этого противостояния между либерально-демократическим государством и экстремизмом. Таким образом, стратегия принятия экстремизма, основанная на его игнорировании, является не в полной мере обоснованным теоретическим проектом, возможность реализации которого более чем призрачна.

Игнорирование является далеко не единственным вариантом стратегии принятия экстремизма. Представляется, что в противоположность позиции западноевропейских государств сама киевская власть свое принятие экстремизма основывает на иных основаниях. Здесь можно говорить о стратегии принятия экстремизма, основанной на интеграции его в систему властного насилия. Данный вариант предполагает определенную трансформацию экстремистского насилия, камуфлирование его собственной природы, снятие его деструктивного потенциала и обуздание его властью. Иначе говоря, власть использует потенциал экстремистского насилия в собственных целях, будучи убежденной в том, что в любой момент она будет в состоянии пресечь данное насилие и отказаться от него.

Украина является далеко не первой попыткой реализации подобной стратегии. Речь идет о многообразных вариантах включения экстремистского насилия в систему властных отношений в рамках так называемой «шоковой терапии». Видный аналитик данной концепции Н. Кляйн утверждает, что шоковая терапия трансформирует роль кризиса. Из бедствия он становится благом. Именно кризис – подлинный или воображаемый – ведет к переменам. Кризис создает ситуацию, при которой власть, пользуясь растерянностью общества, его дезорганизацией, получает возможность быстро и молниеносно внести необратимые изменения.

Современный капитализм, по мнению Кляйна, есть капитализм катастроф, безжалостно эксплуатирующий природные и человеческие бедствия; капитализм, который «молится о кризи-

се так же, как фермеры во время засухи молятся о дожде» [2, с. 205]. В этом случае экстремизм встает в один ряд с любыми другими бедствиями: переворотом, цунами, крушением рынка, войной, ураганом. Его задача ввести все население страны в состояние коллективного шока. Вспышки террора должны потрясти людей настолько, чтобы они на определенный момент потеряли ориентацию. Энергичные действия над потрясенным шоком обществом приводят к тому, что люди отрекаются от того, что в других условиях они бы страстно защищали. В силу двух важных фактов экстремизм в этом плане обладает одним важным преимуществом.

Во-первых, человек пока еще не властен над катастрофическими силами природы, а потому они не всегда приходят в нужный момент в нужное время. Во-вторых, если массированные реальные разрушения, приносимые войной или стихией в развивающихся странах можно «вывести за скобки», то при проведении шоковой терапии в развитых странах предпочтительнее все же минимизировать реальные разрушения. В этом смысле экстремистское насилие выступает универсальным оружием. Реальную активность экстремистских элементов, масштаб экстремистской угрозы всегда можно гипертрофировать, используя подконтрольные СМИ. Терракты поражают отдельные здания, тогда как эффект от них способен привести в состояние шока все общество. При этом все звенья цепи связаны в единое целое.

«Чем сильнее общество охвачено паникой, – пишет Кляйн, – подозревая, что в каждой мечети кроются террористы, тем выше рейтинг выпуска новостей, тем больше спрос на устройства биометрической идентификации или определения жидких взрывчатых веществ, поставляемых компаниями, входящими в комплекс капитализма катастроф, тем больше строится высокотехнологичных ограждений» [2, с. 561]. Экстремизм – это мощнейший стимулятор шоковых состояний для экономически развитых стран, а, значит, и источник новых прибылей для транснациональных корпораций.

«Наиболее яркий пример тому, – пишет Н. Кляйн, – 11 сентября, когда для миллионов людей был разрушен привычный мир, и они впали в состояние глубокой дезориентации и регрессии, чем мастерски воспользовалась администрация Буша. Внезапно мы оказались в некоем нулевом годе, когда все, что мы знали ранее об этом мире, можно было списать со счетов как “логику до 11 сентября”. Никогда не отличавшиеся глубоким знанием истории, американцы превратились в “чистый лист бумаги”, на котором “можно нарисовать новый, более прекрасный мир”, как говорил Мао о своем народе. Немедленно материализовалась целая армия экспертов, которые стали набрасывать новые и прекрасные слова на податливом полотне нашего посттравматического сознания: “столкновение цивилизаций”, “ось зла”, “исламо-фашизм”, “безопасность отечества”. И пока каждый думал о неслыханных ранее цивилизационных войнах и столкновениях, администрация Буша смогла выполнить то, о чем до 11 сентября ей приходилось лишь мечтать: она начала приватизированные войны за границей, а дома выстроила корпоративный комплекс обеспечения безопасности» [2, с. 33].

Продолжая этот пример, мы видим, что новая киевская власть эксплуатирует экстремистское насилие, поддерживает его и включает его в собственную систему власти именно с этих позиций. Чем глубже украинское общество окажется втянутым в борьбу с иллюзорными или подлинными экстремистами, чем страшнее будут разрушения в результате порожденной собственными же силами «Антитеррористической операции», тем меньшее сопротивление это общество окажет в процессе передела общественных ресурсов и благ. Здесь экстремистское насилие оказывается тем необходимым инструментом, который позволит транснациональным корпорациям и теневым экономическим игрокам прийти к максимизации собственных прибылей и перераспределить собственность.

Совершенно очевидно, что этот вариант принятия экстремизма является неприемлемым, ибо в конечном итоге приведет к разрушению общества и итоговому изменению собственной природы власти. Результат подобного варианта стратегии принятия экстремизма может быть только один – разрушение государства, нищета и страдания миллионов людей. Тот факт, что определенные экономические субъекты достигнут своей цели и получают в свое распоряжение контроль над вожденными ресурсами и объектами собственности, уже не сможет остановить центробежные силы, разрушающие социальное единство.

Шоковая терапия со стороны неонацистских молодчиков из украинских националистических организаций действительно может ввергнуть общество в состояние оцепенения, однако иллюзорным будет являться представление о том, что после перераспределения экономических ресурсов экстремистское насилие исчезнет «по мановению волшебной палочки». Напротив, оно лишь усилится и приведет к полной деструкции общественных отношений, распаду го-

сударства, подменит демократические процедуры и правовые нормы волей бандитских по своей сути элементов. Экстремистское насилие полностью заменит насилие права.

Таким образом, трагедия украинского государства должна восприниматься как яркое свидетельство невозможности реализации стратегии принятия экстремизма. Нужно однозначно заявить о полной иллюзорности представлений о том, что экстремистское насилие может быть непротиворечиво включено в систему общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глобальный кризис и проблемы мировой политики //Вестник МГУ, Серия 12. Политические науки. – №3. – 2003.
2. Кляйн Н. Доктрина шока. – М.: Ультра Культура, 2009.
3. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003.
4. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы /Под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: АСТ, 2004.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: Наука, 2000.

Информация об авторе

Сальников Евгений Вячеславович, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России, подполковник полиции.

Служебный адрес: 302027, г. Орел,
ул. Игнатова, д.2.
г. Орел, Россия
e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

Получена: 14. 11. 2014

Information about the author

Salnikov Eugeny Vyacheslavovich, Candidate for Doctorate in Philosophy, Associate Professor, Head of the Chair of Social Studies and Philosophy, Orel Institute of Law under the Russian Ministry of Interior, Police Lieutenant Colonel,

Business address: 2 Ignatova Str., Orel city,
302025 Russia.
Orel city, Russia.
e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

Received: 14. 11. 2014